

Бай Цин не знал, что такое рай, а вот Юнь Цюцзэ знал. Глядя на этого очаровательного мальчишку, он просто не мог решиться объяснить ему, что это такое. Наверное, Бай Сун именно поэтому и солгал, чтобы не расстраивать сына.

— Учитель ведь не замужем за твоим папой, как же я могу быть твоей мамой? — мягко спросил он.

— Это значит, если учитель выйдет замуж за моего папу, то станет моей мамой? — глаза Бай Цина засияли.

Юнь Цюцзэ сказал это лишь для того, чтобы не ранить чувства ребенка, пытаясь уйти от прямого ответа, но кто же знал, что детское мышление работает иначе и всё было понято превратно.

Придя к выводу, что стоит отцу жениться на учителе, и та сразу станет его мамой, Бай Цин вприпрыжку помчался обратно в класс, оставив Юнь Цюцзэ в полном недоумении.

Что это вообще было? Почему у него закружилась голова? Неужели все современные дети такие?

Если Юнь Цюцзэ всё ещё пребывал в замешательстве, то для Бай Суна это стало настоящей бомбой.

— Папа! Папа! Папа!

— Чего тебе?

— Скорее иди и женись на моем учителе, чтобы она стала моей мамой!

— Что?!

— Скорее иди и женись на моем учителе, чтобы она стала моей мамой! — Бай Цин задрал голову и повторил всё по слогам, а затем вцепился в ногу отца. Еще несколько дней назад он говорил, что папе нужна жена, а теперь уже перешел к активным требованиям. Приходилось признать: дети — те еще радикалы.

Рука Бай Суна с лопаткой замерла. Да откуда у ребенка взялись такие вкусы? Даже если он рос без материнской любви, это не значит, что нужно тащить в дом любую встречную женщину! Тем более, такую, как она.

Бай Сун был уверен, что классный руководитель Бай Цина — всё та же чопорная старуха из прошлого семестра. Ей было за сорок, как раз самый разгар климакса. При первой же встрече

она так отчитала Бай Суна, что он до сих пор помнил это как страшный сон.

— погоди, а почему ты вообще хочешь, чтобы учитель стала твоей мамой? — спросил он. — Тебе в школе мало достается, хочешь притащить её домой, чтобы она продолжила тебя отчитывать? Раньше я не замечал у тебя таких наклонностей. Ты что, мазохист?

Бай Сун стряхнул с себя сына, как назойливый репей, и отправил его из кухни. Ребенок постоянно о чем-то грезит, неужели нельзя просто посмотреть телевизор? Лучше бы ломал голову над тем, кто убийца в сериале, чем донимал его.

— Потому что учитель красивая, — Бай Цин вспомнил лицо Юнь Цюцзэ, особенно те ямочки на щеках, когда он улыбался. Такие мягкие и милые, совсем как сладости с ароматом османтуса.

Бай Сун представил себе накрашенное лицо той старой карги и содрогнулся:

— И где ты только увидел, что она красивая?

— Она красивая! И такая нежная, так хорошо ко мне относится! Я просто обожаю учителя!

Бай Сун вспомнил, как на родительском собрании та женщина битый час отчитывала только его одного. И это он называет нежностью? Парень, ты что, переел яичницы и бредишь?

Их разговор был лишен всякой логики: отец и сын общались на разных волнах, даже не подозревая, что каждый говорит о ком-то своем.

Бай Цин решил добить отца окончательно:

— А еще от учителя так вкусно пахнет! Ты же сам говорил, что от мамы всегда пахнет конфетами, вот от учителя именно так и пахнет!

Бай Сун снова представил густой запах дешевых духов той женщины. Господи, да сколько раз повторять, это совершенно разные люди!

— Так, иди сюда, — Бай Сун выключил плиту и поманил сына рукой. Бай Цин подбежал, хлопая большими глазами, пытаясь разжалобить отца.

Но Бай Сун остался непреклонен. Он приложил руку к его лбу:

— Температуры нет. Почему же ты несешь такой бред?

— Это не бред! Учитель красивая! Самая красивая!

— Постой, да с чего ты вообще взял, что учитель Лю красивая? — эту привычку нужно выжигать каленым железом, вкус формируется на всю жизнь, потом проблем с выбором жены не оберешься.

— Это не учитель Лю! — закричал Бай Цин. — Я не хочу, чтобы та старая карга была моей мамой! Папа, ты такой странный! Как можно любить учительницу Лю и не любить учителя Юня?!

Бай Сун отвесил ему подзатыльник:

— Когда я говорил, что люблю учительницу Лю?! Мелкий ты засранец!

Сам выдумал, сам обвинил, а виноват остался отец. Кто такой этот учитель Юнь?

— Значит, ты любишь учителя Юня?

— Да скажи ты уже, кто это вообще такой?

— Мой учитель.

— Это я понял.

— Учитель очень красивый! Правда, самый красивый!

Бай Сун отвернулся к плите и включил газ, чтобы продолжить жарить овощи:

— Иди, иди играй. Обязательно жениться на ком-то только потому, что он красивый? Да я так преступником стану, понимаешь?

— А еще учитель такой нежный!

— А я, по-твоему, не нежный? Почему ты так заиклился на этой нежности?

Бай Цин поморщился:

— Папа совсем не нежный! Только и делаешь, что лупишь меня! Учитель меня никогда не бьет!

— Если я тебя бью, это нарушение закона, ты знал?

— А еще от учителя пахнет конфетами!

— Ты просто хочешь сладкого, — Бай Сун выложил еду из сковородки, но отвлекся и половина упала на пол. Черт, ну, на двоих и того, что осталось, хватит... наверное.

— Вовсе нет!

— Даже не проси, конфет не дам. Забудь! Иди мой руки и садись есть!

Бай Цин завопил:

— Папа, ты старый развратник!

Бай Сун как раз пробовал суп из маленькой пиалы. Услышав это, он выплюнул всё обратно и чуть не поперхнулся:

— Мелкий гаденыш! Не знаешь значения слов — молчи! Ты хоть понимаешь, что такое старый развратник?

— ...Нет, — его соседка по парте Цици всегда говорит, что её папа развратник, потому что обижает маму. В любом случае, это точно не похвала.

— Чтобы я больше не слышал от тебя слов, значения которых не знаешь, ясно?

— Не буду! Если только не женишься на моем учителе!

— Закрой рот и ешь!

Да кто это вообще?! Он знать не знает этого человека, а его заставляют на нем жениться. Это же самоубийство.

Бай Сун еще не знал, что это лишь начало его бед.

— Папа, папа, ну женись на учителе, а?

— Ешь!

— Папа, папа, я хочу, чтобы учитель стал моей мамой!

— Иди мойся! Замолчи!

— Папа...

— Замолчи.

— Я хочу маму, — Бай Цин сократил свою просьбу. Раз уж на длинные фразы отец отвечает отказом, он решил просто повторять одно и то же.

Бай Суна довели до ручки. Он вздохнул и серьезно сказал:

— Бай Цин, я верю, что твой учитель — замечательный человек. Но понимаешь, в чем проблема?

— В чем?

— Даже если я буду не прочь, это не значит, что человек захочет связаться со мной. С чего ты взял, что я могу кому-то понравиться?

Бай Цин притих, и Бай Сун облегченно выдохнул.

Но он плохо знал своего сына. Разве тот из тех, кто так легко сдается? Если бы он сдавался, он не был бы Бай Цином.

На следующий день после уроков Бай Цин поймал Юнь Цюцзэ за рукав и вытащил из сумки фотографию отца. На снимке, сделанном во время конференции в Пекине, Бай Сун был в строгом костюме, выглядел солидно и очень даже привлекательно — настоящий статный мужчина в расцвете лет.

Бай Цин долго рылся в альбомах, чтобы выбрать самую удачную карточку.

Юнь Цюцзэ долго разглядывал фото:

— И зачем ты мне это показываешь?

— Учитель, как думаете, мой папа красивый?

— Очень даже.

Вчера он лично видел его. Тот купил целую гору шоколада и жаловался, как тяжело растить

сорванца: приходится прятать сладости, чтобы у ребенка зубы не испортились.

Этот мужчина в костюме, который ворчал и одновременно уплетал конфеты, показался ему забавным. Почему-то это вызвало у него улыбку — совсем как тогда, когда Бай Цин случайно уронил свой полдник. Настоящие отец и сын.

— Мой папа умеет зарабатывать деньги, готовить, и он очень хороший человек. Учитель, вы могли бы его полюбить?

— Конечно! Раз ты так его расхвалил, то, конечно, мог бы, — Юнь Цюцзэ присел на корточки и сунул ему в рот леденец. — Держи, это тебе награда.

Бай Цин оказался хитрее. Получив конфету, он не стал хвастаться перед отцом, но всё равно выглядел так, будто напрашивался на неприятности:

— Пап, учитель сказал, что мог бы тебя полюбить. Можешь не переживать.

Бай Сун подавился едой. Не переживать? Да он и не переживал! Что опять натворил этот мелкий засранец?

— Ты что опять сделал?

— Показал учителю твою фотографию, и он сказал, что ты красивый, — Бай Цин даже не покраснел.

Бай Сун потер виски. Ему казалось, что с тех пор, как родился этот ребенок, он не просто постарел, а дряхлеет на глазах.

— Это учитель просто шутил над тобой, понимаешь? К тому же, твой отец сейчас... ну, не то чтобы красив, скорее, просто неплохо выглядит. Кроме этого, ты можешь назвать еще хоть одно мое достоинство?

Бай Цин склонил голову набок:

— Ты готовишь очень вкусно.

Бай Сун не решился сказать сыну, что его еду может есть только Бай Цин, который больше ничего не пробовал. Других бы стошнило после первой ложки, да и сам он иногда с трудом проглатывал свои кулинарные шедевры.

Именно поэтому он запрещал ребенку есть вне дома — боялся, что тот распробует нормальную

еду и откажется от его стряпни. Он пытался готовить лучше, но за семь лет, что прошли после ухода матери, прогресса не было. Всё так же несъедобно.

Он думал нанять няню, но, начитавшись новостей о том, как няни издеваются над детьми, каждый раз приходил в ужас. У него было достаточно времени, чтобы самому заниматься ребенком, поэтому он стиснул зубы и остался дома. Пусть еда невкусная, зато ребенок под присмотром.

Бай Цин не был привередлив, потому что у отца овощи и мясо на вкус были одинаковыми, а иногда и вовсе превращались в уголь.

— Может, учитель готовит лучше меня, — выдавил из себя Бай Сун. Он ни за что не признается, что его еда — это пытка, иначе спокойной жизни конец.

Бай Цин снова задумался:

— А еще у тебя отличная фигура и хорошая выносливость.

<http://bllate.org/book/19777/1948632>